

## ОДНОЙ ПОЭТЕССЕ

Я заражен нормальным классицизмом.  
А вы, мой друг, заражены сарказмом.  
Конечно, просто сделаться капризным,  
по ведомству акцизному служа.  
К тому ж, вы звали этот век железным.  
Но я не думал, говоря о разном,  
что зараженный классицизмом трезвым,  
я сам гулял по острию ножа.

Теперь конец моей и вашей дружбе.  
Зато — начало многолетней тяжбе.  
Теперь и вам продвинуться по службе  
мешает Бахус, но никто другой.  
Я оставляю эту ниву тем же,  
каким взошел я на нее. Но так же  
я затвердел, как Геркуланум в пемзе.  
И я для вас не шевельну рукой.

Оставим счеты. Я давно в неволе.  
Картофель ем и сплю на сеновале.  
Могу прибавить, что теперь на воре  
уже не шапка — лысина горит.  
Я эпигон и попугай. Не вы ли  
жизнь попугая от себя скрывали?  
Когда мне вышли от закона «вилы»,  
я вашим прорицаньем был согрет.

Служенье Муз чего-то там не терпит.  
Зато само обычно так торопит,  
что по рукам бежит священный трепет  
и несомненна близость Божества.  
Один певец подготавливает рапорт.  
Другой рождает приглушенный ропот.  
А третий знает, что он сам — лишь рупор,  
и он срывает все цветы родства.

И скажет смерть, что не поспеть сарказму  
за силой жизни. Проницающая призма,

способен он лишь увеличить плазму.  
Ему, увы, не озарить ядра.  
И вот, столь долго состоя при Музах,  
я отдал предпочтенье классицизму,  
хоть я и мог, как старец в Сиракузах,  
взирать на мир из глубины ведра.

Оставим счеты. Вероятно, слабость.  
Я, предвкушая ваш сарказм и радость,  
в своей глуши благословляю разность:  
жужжанье ослепительной осы  
в простой ромашке вызывает робость.  
Я сознаю, что предо мною пропасть.  
И крутится сознание, как лопасть  
вокруг своей негнущейся оси.

Сапожник строит сапоги. Пирожник  
сооружает крендель. Чернокнижник  
листает толстый фолиант. А грешник  
усугубляет, что ни день, грехи.  
Влекут дельфины по волнам треножник,  
и Аполлон обзревает ближних —  
в конечном счете, безгранично внешних.  
Шумят леса, и небеса глухи.

Уж скоро осень. Школьные тетради  
лежат в портфелях. Чаровницы, вроде  
вас, по утрам укладывают пряди  
в большой пучок, готовясь к холодам.  
Я вспоминаю эпизод в Тавриде,  
наш обоюдный интерес к природе,  
всегда в ее дикорастущем виде.  
И удивляюсь, и грущу, мадам.

*август—сентябрь 1965*  
*Норенская*